

МИФОТВОРЦЫ: Портал в Европу

Лорд Дансени
Как некто пришел, в
соответствии с предсказанием,
в город Никогда
Серия «Книга чудес», книга 11

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160814

*Оригинал: LordDunsany, "How One Came, As Was Foretold, to the City of
Never"*

*Перевод:
Александр Юрьевич Сорочан*

Аннотация

Следуйте за мной, леди и джентльмены, измученные Лондоном, следуйте за мной и те, кто устал от всего, что есть в известном мире – ибо здесь вы обретете новые миры.

Лорд Дансени Как некто пришел, в соответствии с предсказанием, в город Никогда

Ребенок, который играл среди террас и садов возле холмов Суррея, не знал, что именно он должен прибыть в Совершенный Город, не знал, что он должен увидеть подземелья, барбиканы и священные минареты самого могущественного из известных городов. Я думаю о нем теперь как о ребенке с маленькой красной лейкой, идущем по саду в летний день, сияющий над теплой южной страной; его воображение потрясено всеми рассказами о маленьких приключениях, и все это время его ожидает подвиг, которому дивятся люди.

Глядя в другом направлении, в сторону от суррейских холмов, в детские годы он созерцал пропасть, что, стена над стеной и гора над горой, ограждает Край Мира, и в бесконечных сумерках, наедине с Луной и Солнцем, охраняет невообразимый Город Никогда. Прочсть прихотливый узор его улиц и было суждено ребенку; пророчество подтверждало это. У него был волшебный повод, казавшийся потертой старой веревкой; старая странствующая женщина дала ему этот

атрибут; он мог удерживать любое животное, порода которого исключала покорность, вроде единорога, гиппогрифа Пегаса, дракона и виверна; но для львов, жирафов, верблюдов и лошадей волшебная веревка была бесполезна.

Как часто мы видели Город Никогда, это чудо из чудес! Не тогда, когда ночь царит в Мире, и мы не можем видеть ничего дальше звезд; не тогда, когда солнце сияет над миром, ослепляя наши глаза; но когда солнце висит в небе в некоторые штормовые дни, внезапно появляясь вечерами, и показываются те блестящие утесы, которые мы почти принимаем за облака, и сумерки нисходят с них, поскольку там всегда царят сумерки; а затем на сверкающих вершинах мы видим золотые купола, что возносятся над гранями Мира и кажется, танцуют с достоинством и спокойствием в нежном вечернем свете, который является обиталищем всякого Чуда. В этот час Город Никогда, непосещенный и далекий, взирает на свою сестру Землю.

Было предсказано, что он должен прийти туда. Об этом знали прежде, чем были созданы горы, и прежде, чем коралловые острова появились в море. И таким образом пророчество достигло исполнения и стало историей, и потом исчезло в Забвении, из которого я извлекаю весь этот рассказ, как будто вытягивая рыбу из воды. Гиппогрифы танцуют перед рассветом в верхних слоях атмосферы; задолго до того, как восход солнца вспыхнет на наших лужайках, они отправляются блистать в лучах света, который еще не достиг Ми-

ра; пока рассвет поднимается над истерзанными ветром холмами, и звезды чувствуют его, склоняясь к земле, пока солнечный свет не касается вершин самых высоких деревьев, — тогда гиппогрифы, озаренные светом, скрежеща оперением и сгибая крылья, скачут и резвятся, доколе не прибывают в некий преуспевающий, богатый, отвратительный город. И в тот же миг они возносятся над землей и улетают прочь от всего этого, преследуемые ужасным дымом, пока не достигают снова чистого синего воздуха.

Тот, кто в согласии с древним пророчеством должен прибыть в Город Никогда, спустился однажды в полночь со своим волшебным поводом к берегу озера, где гиппогрифы резвились на рассвете, поскольку почва там была мягка и они могли долго скакать, прежде чем оказались бы в городе; и там он ждал, укрывшись возле их тайных убежищ. И звезды немного потускнели и стали неясными; но пока не было и признаков рассвета, когда далеко во тьме ночи появились два небольших шафранных пятнышка, затем четыре и пять: это были гиппогрифы, танцующие и вертящиеся вокруг солнца. Другая группа присоединилась к ним, их теперь стало двенадцать; они танцевали, сверкая своей причудливой расцветкой, когда поворачивались к солнцу спинами, они спускались медленно, широкими кругами; на деревьях, выделявшихся внизу на фоне неба, чернели тонкие ветки; вот звезда исчезла в небесах, потом другая; и рассвет приблизился подобно музыке, подобно новой песне. Утки

понеслись к озеру от еще темных полей, вдали раздались чьи-то голоса, вод обрела цвет, и тем не менее гиппогрифы сияли в свете, паря в небе; но когда голуби уселись на карнизах и первая пташка подала голос, и маленькие лысухи все вместе поднялись в воздух, тогда внезапно с громом оперения гиппогрифы спустились вниз, и, как только они снизошли со своих астрономических высот, чтобы окунуться в первые лучи солнечного света, человек, которому в давние времена было предречено судьбой прибыть в Город Никогда, прыгнул и поймал последнего своим волшебным поводом. Скакун рвался, но не мог освободиться, поскольку гиппогрифы принадлежат к древнейшей породе, и волшебство имеет власть над другим волшебством; так что человек натянул повод, и скакун подскочил снова к высотам, с которых прибыл, как раненное животное возвращается домой. Но когда они вознеслись на те высоты, отчаянный наездник увидел по левую руку огромный и величественный, предназначенный ему Город Никогда, и он созерцал башни Лел и Лека, Нирид и Акутума, и утесы Толденарба, сверкающие в сумерках подобно алебастровой статуе Вечера. К ним он повернул скакуна, к Толденарбе и пропастям; крылья гиппогрифа гремели, когда повод направлял его. О пропастях же кто может говорить? Их тайна нерушима. Некоторые считают, что они являются источниками ночи, и что темнота нисходит из них вечерами в наш мир; в то время как другие намекают, что знание о них могло бы уничтожить нашу цивилизацию.

И за ним непрерывно наблюдали из пропастей глаза тех, в чьи обязанности это входило; дальше и глубже летучие мыши, которые обитали там, взлетели, когда увидели удивление в глазах; стражи на стенах разглядели поток летучих мышей и подняли свои копыя, как в военные времена. Однако когда они почувствовали, что та война, за которой они наблюдали, теперь не касается их, они опустили копыя и позволили ему войти, и он пронесся с грохотом через ведущие к земле ворота. И так он прибыл, как было предсказано, в Город Никогда, вознесенный на Толденарбе, и увидел поздние сумерки на тех башенках, которые не ведают иного света. Все купола были медными, но шпили на их вершинах были золотыми. Маленькие ониксовые ступеньки вели туда-сюда. Вымощены агатами были славные улицы города. Через маленькие квадратные стекла из розового кварца жители выглядывали из своих домов. Им, поскольку они смотрели со стороны, далекий Мир казался счастливым. Хотя тот город был облачен всегда в одну одежду, в сумерки, все же его красота достойна восхищения: город и сумерки были несравненны, но лишь друг для друга. Бастионы города были построены из камня, неизвестного в нашем мире; добытый неизвестно где, но названный гномами «эбикс», этот камень так отражал в сумерках красоту города, цвет за цветом, что никто не смог бы разглядеть, где кончаются вечные сумерки и начинается Город Никогда; они были близнецами, самыми лучшими детьми Чуда. Время было там, но касалось толь-

ко куполов, которые были сделаны из меди, остальное оно оставило нетронутым, даже оно, разрушитель городов, было подкуплено неведомой мне взяткой. Однако часто плакали в Никогда о переменах и уходах, носили траур по катастрофам в других мирах, и даже иногда строили храмы разрушенным звездам, которые упали, пылая, вниз с Млечного пути, и все еще поклонялись им, давно забытым нами. Есть у них и другие храмы – кто знает, каким божествам они посвящены?

И тот, кому единственному из всех людей было суждено прибыть в Город Никогда, был счастлив созерцать это, пока он несся по агатовым улицам, свернув крылья своего гиппогрифа, видя со всех сторон чудеса, о которых и в Китае не ведают. Когда он приблизился к самому дальнему городскому валу, где не обитал ни единый житель, и посмотрел в ту сторону, куда не выходило ни одно окно из розового кварца, он внезапно увидел в непроглядной дали, затмевающей горы, другой, еще больший город. Был ли тот город построен среди сумерек или стоял на берегах некоего иного мира, он не знал. Он увидел, что тот город возвышается над Городом Никогда, и попытался достичь его; но этого неизмеримого дома неизвестных колоссов гиппогриф отчаянно боялся, и ни волшебный повод, ни что-либо иное не могли заставить монстра приблизиться к тому городу. Наконец, из одиноких предместий Города Никогда, где не бродил никто из жителей, наездник повернул медленно к земле. Он знал теперь, почему все окна были обращены туда, ибо жители су-

мерек пристально взирали на мир, а не на то, что было больше их. Тогда на последней ступени ведущей на землю лестницы, проходившей мимо Пропастей и у подножия блестящего лика Толденарбы, ниже затененной красоты тронутого золотом Города Никогда и ниже вечных сумерек, человек спешился с крылатого монстра: ветер, который спал в то время, подпрыгнул подобно своре собак, закричал и пронесся мимо них. В нижнем Мире было утро; ночь уходила прочь, а ее плащ тянулся следом за ней, туманы возвращались вновь и вновь, пока она уходила, мир был серым, но уже блистал, огни удивленно мигали в ранних окнах, вдали по влажным, тусклым полям тащились на поля коровы: именно в этот час снова коснулись полей копыта гиппогрифа. И в тот момент, когда человек развязал и снял волшебный повод, гиппогриф взлетел прямо ввысь с грохотом, возвращаясь в некое воздушное место, где танцует его народ.

И тот, кто преодолел сверкающую Толденарбу и прибыл – один из всех людей – в Город Никогда, обрел имя и славу среди народов; но только он и обитатели того сумеречного города хорошо знают две вещи, неведомые другим людям: есть другой город, превосходящий величием их собственный, а они – только плоды незавершенного эксперимента.